

Евразийская цивилизация: от идеи к современному дискурсу

Кефели И. Ф.

Северо-Западный институт управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация; geokefeli@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье прослеживается эволюция евразийской идеи начиная с начального этапа ее становления в контексте сопоставления ее с реализацией советского проекта в предвоенные годы на основе первых трех пятилетних планов социалистического строительства. Попытки теоретического оформления статуса евразийской цивилизации формировались на основе представлений о «России–Евразии» как культурной личности, об Евразийском государстве, нередко сопоставляя эти конструкции с реальными достижениями социалистического строительства и уверенно заявляя об евразийском мироустройстве в пределах России–Евразии в будущем.

Ключевые слова: евразийство, Россия–Евразия, евразийская цивилизация, Азиатская Россия, российская геополитика, сибирское областничество, советский проект

Для цитирования: Кефели И. Ф. Евразийская цивилизация: от идеи к современному дискурсу // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 2. С. 12–25.

Eurasian Civilization: from an Idea to a Modern Discourse

Igor F. Kefeli

North-West Institute of Management of RANEPA, Saint Petersburg, Russian Federation; geokefeli@mail.ru

ABSTRACT

The article traces the evolution of the Eurasian idea, starting from the initial stage of its formation, in the context of comparing it with the implementation of the Soviet project in the pre-war years on the basis of the first three five-year plans for socialist construction. Attempts to formalize the theoretical status of the Eurasian civilization were formed on the basis of ideas about “Russia–Eurasia” as a cultural personality, about the Eurasian state, often comparing these constructions with the real achievements of socialist construction and confidently declaring the Eurasian world order within Russia–Eurasia in the future.

Keywords: Eurasianism, Russia–Eurasia, Eurasian civilization, Asian Russia, Russian geopolitics, Siberian oblastничество, Soviet project

For citing: Kefeli I. F. Eurasian Civilization: from an Idea to a Modern Discourse // Eurasian integration: economics, law, politics. 2021. No. 2. P. 12–25.

Идеологема «Россия–Евразия», утверждающая теоретический статус евразийской цивилизации, явилась продуктом творческих исканий основателей евразийского движения П. Н. Савицкого и Г. В. Вернадского. «В чисто географическом смысле, — рассуждал Савицкий в 1921 г. в статье «Европа и Евразия», — Россия в границах 1914 года или, вернее, в своих частях, лежащих на восток от меридиана Пулкова (берем искусственные пределы, так как естественная граница отсутствует), представляет собой своеобразный мир, отличный и от “Европы” (как совокупности стран, лежащих к западу от Пулковского меридиана, в сторону Атлантического океана), и от “Азии” (как совокупности низменностей Китая,

Индостана и Месопотамии, горных стран, лежащих между ними, и островов, к ним прилегающих), — наиболее континентальный мир из всех географических миров того же пространственного масштаба, которые можно было бы выкроить на материках земного шара... Россия как по своим пространственным масштабам, так и по своей географической природе... является “континентом в себе”. Этому континенту, предельному “Европе” и “Азии”, но в то же время непохожему ни на ту, ни на другую, подобает, как нам кажется, имя “Евразия”... Вместо обычных двух на материке “Старого Света” мы различаем три континента: Европу, Евразию и Азию... Пределы “Евразии” не могут быть установлены по какому-то несомненному признаку, так же как не может быть установлена такая граница в отношении к обычному подразделению Европы и Азии. В последнем случае пределом Европы условно считаются восточные границы Архангельской, Вологодской, Пермской, Уфимской, Оренбургской губерний и Уральской области. Так же условно пределом “Евразии” можно считать границы Державы Российской или ее частей, лежащих к востоку от Пулковского меридиана... Таким образом, Россию мы отождествляем с Евразией» [21, с. 152–155]. Так рассуждает Савицкий как географ. Вместе с тем евразийская культура, по его мнению, характеризуется общей интенцией ее противопоставления романо-германской культуре, расширяя рамки «мирового протеста против романо-германской агрессии». Что же позволяет Савицкому утверждать собственно культурный и мировоззренческий контекст евразийской идеологии? Это — признание, во-первых, целостности культуры великого множества народов Евразии и, во-вторых, центральной и определяющей роли «этнографической России» в «неромано-германском мире». Эта роль России, по мнению Савицкого — уже как этнолога и культуролога, выражается в той силе, которая способна свергнуть с себя подчинение «романо-германской» культуре и устранить слепое подражание «европейскому» образцу, «кошмар... всеобщей европеизации». Вполне резонно автор замечает, что Россию в этом стремлении поддерживают примыкающие к ней туранские, монгольские, арийские, иверские, финские народы. И даже ряд народов и стран, примыкающих к границам России и стремящихся сохранить свою полную политическую от нее независимость, связаны с Россией «некоторой общностью духовного склада и отчасти расовых и этнографических свойств». Поэтому, учитывая «такое соучастие нероссийских элементов в некотором общем с этнографической Россией действии было правильно Россию, в ее противопоставлении “Европе”, именовать “Евразией”» [Там же, с. 156]. Стоит сделать акцент на этом предложении Савицкого, определившем, по сути, то самое идеологическое ядро евразийства и евразийской геополитики, которые опираются на признание факта иного конструирования отношений между российской и иными нациями Евразии, которая «есть область некоторой равноправности и некоторого “братания” наций, не имеющих никаких аналогий в междунациональных соотношениях колониальных империй» [Там же, с. 157–158].

Эта идея Савицкого положила начало становлению евразийского учения, основные положения которого впоследствии получили свое развитие в программных документах евразийского движения («Поворот к Востоку», 1921 г., «Евразийство», 1926 г., «Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы», 1932 г.) и в его работе «Географические и геополитические основы евразийства» (1933 г.). С самого зарождения евразийского движения Савицкий выступил его ведущим организатором и теоретиком, создателем евразийского варианта русской геополитики, обосновал базовые для евразийского учения концепции месторазвития, хозяйстводержавия, циклов экономической истории и евразийской истории и т. д.

К этому следует дополнить, что Г. В. Вернадский еще в 1927 г. был приглашен в США и с той поры до конца жизни трудился в Йельском университете, читая академические курсы русской истории. Н. С. Трубецкой к концу 20-х гг. отошел от евразийства (если в 1921 г. в письме своему другу Р. О. Якобсону он восторженно писал, что «мы объединились на некотором общем настроении и “мироощущении”, несмотря на то, что у каждого из нас свой подход и свои убеждения... Сущность его [сборника «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев», изданного в Софии в 1921 г. П. П. Сувчинским, Г. В. Флоровским и П. Н. Савицким. — *И. К.*] состоит в нащупывании и прокладывании путей для некоторого нового направления, которое мы обозначаем термином “евразийство”, может быть, и не очень удачным, но бьющим в глаза, вызывающим, а потому — подходящим для агитационных

целей», то уже в письме П. П. Сувчинскому от 10 марта 1928 г.: «Евразийство для меня тяжелый крест, и притом совершенно без всяких компенсаций ... в глубине души я его просто ненавижу и не могу не ненавидеть. Оно меня сломило, не дало мне стать тем, чем я мог бы и должен бы стать. Бросить его, уйти от него, забыть про него было бы для меня высшим счастьем» [33, р. 21–22; 26, с. 56]]. Так неофициально, но вполне заслуженно, Савицкий становился ведущим организатором и идеологом евразийского движения в среде русских эмигрантов, ратуя за утверждение статуса евразийской цивилизации на необъятных просторах «России–Евразии». Попытки донести свои идеи до научной среды и политического руководства Советского Союза привели Савицкого к тому, что он невольно стал участником широкомасштабной операции «ТРЕСТ», организованной ВЧК в середине 20-х гг., но это особая история [16, с. 113–115]. Во всяком случае, в многочисленных работах представителей евразийского движения так или иначе присутствовали рассуждения, связанные с сопоставлением их идей с ходом социалистического строительства (получившим в дальнейшем название советского проекта) в Советском Союзе на основе трех предвоенных пятилетних планов.

Рис. 1. Агитационный плакат о выполнении пятилетнего плана

Не будем забывать, что уже в 1926 г., при полной экономической блокаде со стороны западных стран, промышленное производство в СССР достигло уровня 1913 г., а уже в марте 1939 г. в резолюции XVIII съезда ВКП(б) «Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938–1942 гг.)» было открыто заявлено: «Теперь, когда СССР сложился как социалистическое государство, закончил в основном техническую реконструкцию народного хозяйства и по уровню техники производства в промышленности и сельском хозяйстве стоит впереди любой капиталистической страны Европы, — теперь мы можем и должны во весь рост практически поставить и осуществить решение основной экономической задачи СССР: *догнать и перегнать также в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны Европы и Соединенные Штаты Америки*, окончательно решить эту задачу в течение ближайшего периода времени».

Особое внимание следует обратить на опубликованную в 1932 г. небольшую брошюру, в которой были изложены концептуальные положения, регламентирующие контуры евразийской цивилизации как некое объединение евразийских идей и реалий советского проекта [11]. Сам документ требует самостоятельного анализа и осмысления, поэтому в рамках данной статьи остановимся лишь на некоторых ключевых положениях документа, составленного от имени «Первого съезда Евразийской организации»:

- евразийство как система мировоззрения и жизни покоится на религиозной основе — православии и других исповеданиях национальностей России–Евразии;
- евразийцы считают своей основной задачей «*практическую организацию жизни и мира*», наиболее мощным орудием которой признается государство, а государственным строем — идеократия;
- национальностям России–Евразии «Евразийское государство» гарантирует свободное культурное развитие, самоуправление и сотрудничество;
- задача Евразийского государства — «организация жизни особого мира России–Евразии»;
- решение этой задачи обеспечивает государственно-частная система хозяйства, функционирующая на основе плана, индустриализации и обеспечивающая интересы трудящихся и экономическую независимость России–Евразии.

В разделе «Формулировка» речь идет, по сути говоря, о государстве, экономике, национальностях и культуре как об основных структурообразующих звеньях евразийской цивилизации (авторы данного документа скромно называют ее «культурной личностью — Россией–Евразией»): «С теоретической стороны своеобразие евразийской культуры обосновывается рядом признаков, а именно: географическими особенностями месторазвития евразийской культуры; особенностями наречий того языкового союза народов, которые населяют Россию–Евразию; особым мироощущением, отличающим евразийские народы и обусловленным особым складом их душевной и духовной жизни и особым от остального мира историческим процессом. Евразийцы считают, что все названные физические, душевные и духовные особенности находятся в глубокой внутренней связи и образуют природу... Свообразие евразийской культуры развертывалось в истории российско-евразийского мира. Оно выражалось и в укладе всеевразийской державы Чингисхана и его преемников в XIII–XIV вв., и в строе Московского государства XV–XVII вв., и в огромном здании Российской империи XVIII–XX вв. ...Оно также проявляется в современном СССР, несмотря на идеологический западнический его уклон и даже вопреки ему. Оттого-то Петр I и Ленин суть е р а з и й с к и е варианты на заданные Западом и развернутые в евразийском месторазвитии социально-политические темы» [11, с. 7–8]. В документе встречаются многочисленные инвективы в адрес строителей советского общества, которые перемежаются с идеями, смысл которых становится понятным современному читателю. Но в те годы реализация социальной энергии создателей нового мира намного опережала спокойный ход теоретических рассуждений о смысле создаваемой истории. Как у Маяковского: «Коммунизм — это молодость мира, и его возводить молодым»!

Если Савицкий актуализировал евразийство в экономико-географическом, социокультурном и геополитическом аспектах, то Георгий Владимирович Вернадский, включившийся в «тройку лидеров» евразийского движения со времени переезда в 1922 г. в Прагу (там и состоялось его знакомство с Савицким и Трубецким), в большей степени ориентировался на историческое фундирование евразийства, выразившееся в анализе истории взаимоотношения Древней Руси и мира кочевников. В Праге Вернадский написал и издал в 1927 г. книгу «Начертание русской истории», идея которой зародилась у него в начале его преподавательской деятельности в Санкт-Петербургском университете. Савицкий, в том же году издавший первую часть своей монографии «Географические особенности России», выступил инициатором издания работы Вернадского. Такое совпадение послужило основанием для шуток среди русских эмигрантов, что у евразийцев теперь есть история с географией [13, с. 13]. Чем же знаменательна была эта работа для обоснования евразийства и евразийской геополитики России? Еще в предисловии Вернадский обращает внимание читателей на то, что события русской истории и политика ее деятелей рассматриваются на ее «географическом фоне». Тем самым была задана научная программа, основанная на собственно евразийской парадигме синтеза исторического и географического знания, что станет характерным и для обоснования цивилизационной геополитики. Отмечая во «Введении», что творцом русской истории является сам русский народ, автор четко определял географические рамки его развития: «Нет “естественных границ” между “Европейской” и “Азиатской” Россией. Следовательно, нет двух России, “Европейской” и “Азиатской”. Есть только одна Россия “евразийская”, или Россия–Евразия. Евразия и представляет собою ту наделенную естественными границами географическую область, которую в стихийном историческом процессе суждено было усвоить русскому народу» [7, с. 23; 21, с. 52, 58]. Евразия, т. е. «Срединный материк как особый географический и исторический мир», — это судьба русского народа. Так, евразийская «история с географией» имела вполне серьезные намерения — географической основой русской истории Вернадский определяет «соотношение лесной и степной полосы, борьбу леса и степи» [7, с. 24]. А это уже предстает как фундаментальный методологический принцип — диалектика исторического взаимодействия двух противоположных начал, наполняемая природным и этнографическим содержанием веками созреваемой русской государственности. Недаром Вернадский завершает исследование монгольского периода русской истории замечанием о том, что «с геополитической точки зрения, прорыв Ивана IV вниз по Волге к Астрахани стал важным шагом, поскольку разделил степную зону на два сектора... это явилось началом русских претензий на господство над степными районами. Этот процесс продолжался на протяжении XVII и XVIII вв., завершившись на юге завоеванием Крыма в 1783 г.» [6, с. 396]. Те или иные месторазвития в пределах одной

и той же географической среды образуются в разные исторические периоды как совокупность социально-исторических и географических признаков, присущих человеческим обществам. В современной этнологии и регионалистике аналогом понятия месторазвития в более широком толковании выступают понятия историко-культурных зон, регионов, а в геополитике — понятие больших пространств. В качестве примеров Вернадский называет такие цельные месторазвития, как Каспийско-Черноморская степь, объединения леса и степи, а самым большим месторазвитием он определяет Евразию как целый географический мир. «Именно в рамках этого мира, — заявляет он, — могли образовываться такие крупные социальные единицы, как Скифская, Гуннская или монгольская империя, а позже империя Российская» [7, с. 26]. Более того, Евразия — это не только географический мир для русского народа, но и месторазвитие, которое он в большей степени создал сам как «сожителство разных народностей». Вернадский, анализируя ход истории России в контексте истории Евразии, полагал неустранимой внутреннюю логику «месторазвития», которая воплотилась в «русском историческом процессе» освоения северной части евразийского континента. Ныне же, т. е., надо полагать, на время написания автором этих строк, «Евразия представляет собою такое геополитическое и хозяйственное единство, какого ранее она не имела» [Там же, с. 29, 33]. Это положение подтверждает и Савицкий в «Геополитических заметках по русской истории», которые Вернадский включил, по обоюдному согласию, в свою книгу: «Евразия как географический мир как бы “предсоздана” для образования единого государства... К концу XIX века завершился (в основных чертах) процесс создания России–Евразии как геополитического единства» [Там же, с. 310].

Вернадский делает еще одно важное нововведение, связанное с раскрытием внутренней динамики месторазвития России–Евразии в ходе создания всеевразийского государства. Он рассматривает эту динамику в виде периодической ритмичности государствообразующего процесса, обусловленного борьбой леса и степи, которые представлены не в почвенно-ботаническом их значении, а в совокупности их природного и историческо-культурного значения. Вернадский выделял следующие периоды государствообразующего процесса:

- I период** — попытки объединения леса и степи (до 972 г.);
- II период** — борьба леса и степи (972–1238 гг.);
- III период** — победа степи над лесом (1238–1452 гг.);
- IV период** — победа леса над степью (1452–1696 гг.);
- V период** — объединение леса и степи (1696–1917 гг.).

Длительность каждого периода (кроме первого) составляет два — два с половиной века, но стоит обратить внимание на схему периодической ритмичности государствообразующего процесса [Там же, с. 32], на которой Вернадский в конце ряда единой государственности «Российская империя — Союз Советских Республик» ставит знак вопроса. Дело в том, что основатели евразийства воспринимали русскую революцию как логический итог двухсотлетнего периода европеизации России. Так, проект евразийского государства, который разрабатывали Трубецкой, Савицкий и Вернадский, следует рассматривать прообразом будущего Евразийского экономического союза. Напоминанием тому следует признать пророческие слова Савицкого из статьи «Географические и геополитические основы евразийства», которую он опубликовал в 1933 г. в немецком журнале «Orient und Occident»: «Устраните этот центр — и все остальные его части, вся эта система материковых окраин (Европа, Передняя Азия, Иран, Индия, Индокитай, Япония) превращается как бы в “рассыпанную храмину”... Над Евразией веет дух своеобразного “братства народов”, имеющий свои корни в вековых соприкосновениях и культурных слияниях народов различнейших рас — от германской (крымские готы) и славянской до тунгусско-маньчжурской, через звенья финских, турецких, монгольских народов. Это “братство народов” выражается в том, что здесь нет противоположения “высших” и “низших” рас, что взаимные притяжения здесь сильнее, чем отталкивания, что здесь легко просыпается “воля к общему делу”. История Евразии, от первых своих глав до последних, есть сплошное тому доказательство. Эти традиции и восприняла Россия в своем основном историческом деле... Только преодолением нарочитого “западничества” открывается путь к настоящему братству евразийских народов: славянских, финских, турецких, монгольских и прочих» [21, с. 296, 302]. В неменьшей степени подобное «братство» охватило Азиатскую Россию.

Становление Азиатской России как геочивилизационного макрорегиона

Поставленный выше вопрос о взаимосвязи и преемственности русской (российской) и евразийской цивилизаций неизбежно приводит нас к необходимости выяснения того, что представляет собой Азиатская Россия (Азиатская часть России) в геополитическом и цивилизационном контексте. Азиатская Россия — глобальный регион, занимающий 77% территории страны (около 13,1 млн км², превосходя тем самым по территории любое другое государство мира). По оценке Росстата, на начало 2018 г. численность населения составила около 150 млн чел., причем в Азиатской части России (территории Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов) проживает, по разным источникам, от 22 до 27% [34, р. 6] от общей численности (для сравнения: плотность населения европейской части России составляет 27 чел./км², азиатской — 3 чел./км²). Само понятие Азиатской России закрепилось в научной литературе еще в дореволюционное время. К началу XX в. Азиатская Россия охватывала Сибирь, Дальний Восток, среднеазиатские владения и Кавказский край. В советское время в связи с изменением федеративного устройства страны привычным стало новое название — Азиатская часть Советского Союза (точнее — находящаяся в Азии часть территории Российской Федерации). Ныне понятие Азиатской России достаточно прочно закрепилось в научной литературе и наполняется достаточно богатым и разносторонним содержанием [2; 8]. Исторически к Азиатской России относились все земли, находившиеся ранее за пределами некогда традиционного восточнославянского ареала расселения и включенные с середины XVI в. в состав Русского царства.

Дальнейшая территориально-политическая экспансия России привела к включению в ее состав новых обширных земель. На рис. 2 наглядно представлена историческая динамика геополитической экспансии России в Евразии со времени образования Русского царства.

Рис. 2. Геополитическая экспансия России в Евразии (XVII — нач. XX вв.)

Источник: <http://cyclowiki.org/wiki/>

Однако было бы неправомерно сводить расширение территории Русского царства (и далее Российской империи) и его этнического состава к одностороннему процессу экспансии: в плане государственного устройства — да, а цивилизационная динамика была гораздо сложнее. Народы Сибири мигрировали и на восток, и на запад. Так, пояс степей Южной Сибири (и Евразии в целом) на протяжении двух тысячелетий оставался родиной номадизма. Волны кочевников скифо-сакских племен, гуннов, авар, тю-

рок, монголов устремлялись на запад — современные тюркские народы вышли из степей и предгорий Южной Сибири. Тайга Западной Сибири была родиной народов уральской группы — финно-угорские народы оттуда. Народы Арктической зоны, веками проживающие в суровых климатических условиях, дали основание некоторым ученым заявить о существовании относительно самостоятельной цивилизации — циркумполярной¹. В Сибири проходил один из маршрутов Великого шелкового пути, дороги стали основой всех цивилизаций и государств Евразии, в т. ч. Сибири — державы гуннов, Тюркского каганата, Монгольской империи и Российской империи. Сибирь объединила в себе элементы европейской, мусульманской, китайской цивилизаций с особенностями степного, таежного и приполярного образа жизни [32, с. 10]. Первые научные исследования Сибири, обусловленные необходимостью государственного управления и защиты отдаленных границ, были связаны с развитием географических исследований, поскольку нужны были точные сведения о природных условиях неизведанных земель и о населяющих их народах, о речных и морских путях сообщения. В XVI–XVII вв. были составлены первые карты («чертежи») Сибири. В «Очерках по истории естествознания в России в XVIII столетии» В. И. Вернадский (отец Г. В. Вернадского) отмечал, сколь ограниченны были представления в то время о внутреннем устройстве Государства Российского: «Для западного культурного человечества в конце XVII в. простиралась за пределами Швеции и Польши огромная, загадочная страна московских царей, [по мнению Запада] едва доступная культуре и терявшаяся где-то у пределов Тихого океана. Самые пределы северных частей Тихого океана наносились на карты совершенно произвольным образом: ни северо-восточные берега Азии, ни северо-западные берега Северной Америки еще ни разу не были посещаемы европейскими судами... Московское царство представлялось в сознании западного европейца варварской страной. Китай казался культурным государством, равной, а может быть, и более высокой культуры, чем культура Европы того времени. В это время в кругу образованных людей Запада существовало своеобразное представление о географическом распределении культурного человечества, резко не отвечающее реальным фактам. Казалось, что между двумя центрами цивилизации — Западной Европой и Китаем — лежат варварские и полуварварские страны, первым форпостом которых являлась Московия» [5, с. 83–84]. В. И. Вернадский обратил особое внимание на закрытый характер проводимых географических исследований. Так, ученым, отправленным в экспедицию для составления географического атласа Российской империи, сенатским указом от 13 января 1733 г. запрещалось сообщать какие бы то ни было собранные ими сведения кому бы то ни было, кроме Академии наук и Сената, поскольку экспедиция отчасти была военной. Первый атлас Российской империи, начало составления которого было предписано еще Петром I, вышел в 1745 г. [4] Так исследования, связанные с изучением географии, природных ресурсов, перспектив экономического развития и национальных особенностей коренного населения Азиатской России, позволили сделать вывод, что идеи евразийства имели не только теоретическую, идеологическую направленность, но и были основаны на конкретном опыте освоения российским государством территорий за Уралом. Перу М. В. Ломоносова принадлежит последний в его творческой биографии трактат «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию», представленный с посвящением в сентябре 1763 г. девятилетнему наследнику царского престола Павлу Петровичу, который числился тогда президентом Адмиралтейств-коллегии (командующим флотом). А уже 14 мая 1764 г. Екатерина II своим секретным указом предписала Адмиралтейств-коллегии (в соответствии с предложениями Ломоносова о плавании «северо-западными морями», т. е. вдоль Арктического архипелага и «Сибирским океаном») организовать поиск прохода Северным (или Сибирским) океаном (так тогда называли Северный Ледовитый океан) в Камчатку «по северо-восточному проходу». Экспедиция совершила два плавания из Архангельска (уже после смерти Ломоносова) летом 1765 и 1766 гг. и впервые проложила морской путь через Северный Ледовитый океан к Северной Америке и Камчатке. Так теоретическая мысль русского гения оперативно воплотилась в стратегический план и конкретные действия на государственном

¹ См. подробнее: [Электронный ресурс] URL: <https://sites.google.com/site/civilizacium/home/civilizacium/cirkumpolarnaa-civilizacia> (дата обращения: 13.05.2021); Д. Семушин: «Циркумполярная» лженаука — против Русской Арктики [Электронный ресурс] URL: <https://regnum.ru/news/1501301.html> (дата обращения: 13.05.2021).

уровне. В трактате Ломоносов сопоставляет многочисленные наблюдения путешественников, строит предположения и гипотезы, в частности, относительно того, есть ли вокруг полюса море или же «занимает оный суша». Он предлагал заняться подсчетом примерного количества льдов в Сибирском океане и в заключение предостерег: если «слава сердец наших не движет, то подвигнуть должно нареkanie от всей Европы, что, имея Сибирского океана оба концы и целый берег в своей власти, не боясь никакого препятствия в поисках от неприятеля и положив на то уже знатные иждивения с добрыми успехами, оставляем все втуне... Таким образом, путь и надежда чужим пресечется, российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке» [15, с. 489–490]. Так на века Ломоносов predetermined геостратегию развития и геополитический статус российской державы на пространствах Северной Евразии.

Следует отметить, что в XIX в. многие задачи научного обеспечения освоения Азиатской России решало Императорское Русское Географическое Общество, основанное в 1845 г. На рубеже XIX–XX вв. естественнонаучные исследования Азиатской России дополнились изысканиями на основе новых научных направлений — геополитики и антропогеографии. Так, военный министр, генерал-адъютант А. Н. Куропаткин, опираясь на данные Всероссийской переписи населения 1897 г. и ратуя за сохранение Сибири в случае возможных военных действий со стороны Японии или Китая, предупреждал: «Необходимо помнить, что в 2000 году население России достигнет почти 400 миллионов. Надо уже теперь начать подготавливать свободные земли в Сибири, по крайней мере, для $\frac{1}{4}$ части этой цифры» [12, с. 77]. Военная наука, в рамках которой формировалась российская геополитика, выделяла как один из важнейших имперских компонентов «политику населения», предусматривавшую активное вмешательство государства в этнодемографические процессы, регулирование миграционных потоков и этноконфессиональный состав населения на имперских окраинах для обеспечения безопасности вновь образованных границ.

В ходе масштабных географических исследований Азиатской России В. П. Семенов-Тянь-Шанский, признанный основатель отечественной антропогеографии и политической географии, обратился к детальному анализу ее историко-цивилизационных аспектов в ракурсе разрабатываемой им антропогеографии. Семенов-Тянь-Шанский сделал этот решительный шаг, предложив антропогеографический подход (в исследовании социоприродных процессов) как одну из основ цивилизационной геополитики. Так, еще в 1915 г. он ввел в научный оборот понятие «Русской Евразии», которым определил пространство между Волгой и Енисеем и от Ледовитого океана до самых южных границ Российской империи в качестве особого культурно-экономического региона, наряду с Европейской Россией [22, с. 441]. В решении вопроса о том, каким образом для укрепления системы «от моря до моря» можно сдвинуть культурно-экономический центр государства ближе к истинному географическому его центру, Семенов-Тянь-Шанский усматривал два ответа. Во-первых, это перенос столицы (в российском случае — на Урал, в Екатеринбург). Правда, ученый считал этот вариант слишком дорогим, непригодным и нецелесообразным в условиях развивающихся железнодорожных путей сообщения. Во-вторых, создание тех самых культурно-экономических колонизационных баз, которые должны занимать ключевые позиции в развитии страны, обеспечивая прочность государственной территории и способствуя более равномерному ее заселению и культурно-экономическому развитию. В Европейской России Семенов-Тянь-Шанский выделял четыре таких чисто русских базы, возникших в разные времена: 1) Галицкая и Киево-Черниговская; 2) Новгородско-Петроградская; 3) Московская; 4) Средневожская.

Благодаря наличию этих четырех баз, обеспечивших территориальную заселенность и экономическую мощь «до самых берегов четырех морей», Европейская Россия представила собой ту культурно-экономическую массу, которая обеспечила Российской империи место в числе «великих держав мира». Для реализации принципа колонизации «от моря до моря» ученый указал на необходимость формирования и функционирования новых культурно-экономических колонизационных баз в Азиатской России. «Для этого, — указывал он, — наши старые четыре базы должны отрешиться в значительной мере от своих монопольных привычек в торгово-промышленном отношении, основать на первое время местные промышленные филиалы в наших азиатских базах, дать им вовремя экономическую независимость, развить там действительно культурные центры и относиться не только терпимо, но даже любовно и поощри-

тельно к возникающим там промышленным и культурным начинаниям» [22, с. 442–443]. В соответствии с географическими условиями Семенов-Тянь-Шанский предлагал в дополнение к старым четырем колонизационным базам Европейской России создание четырех таких баз: 1) Урал; 2) Алтай с горной частью Енисейской губернии (обе в Русской Евразии); 3) горный Туркестан с Семиречьем (в среднеазиатских владениях); 4) Кругобайкалье (в Восточной Сибири). Тем самым Семенов-Тянь-Шанский очертил контуры России–Евразии (объединяющей Европейскую и Азиатскую Россию) на евразийском континенте, что явилось важным конструктивным шагом в развитии евразийского дискурса. Более подробное обоснование этого дискурса Семенов-Тянь-Шанский дал в вышедшей в 1928 г. работе «Район и страна». Кстати, это издание имело гриф учебного пособия для студентов географического факультета Ленинградского государственного университета, где он с 1925 г. работал профессором кафедры сравнительного страноведения, антропогеографии и методологии районирования. В этой работе Семенов-Тянь-Шанский впервые применил для исследования расселения математические методы (дазиметрические карты), обосновывая закономерную, определяемую природными условиями территориальную типологию могущественных владений, из числа которых для России присущ чрезматериковый («от моря до моря») тип геополитического могущества. Так, к примеру, он представил карту «Великих чрезматериковых мировых путей будущего» [23, с. 192], многие из которых уже созданы или будут созданы в ближайшем будущем. На языке антропогеографии Семенов-Тянь-Шанский ведет рассуждения о «культурных мирах», определяя их как коллектив государств, представляющих «высшую единицу сгущения населения на нашей планете». Этих «культурных миров» четыре — первобытный (тропический и «крайний полярный») мир, «остановившийся, обломочный мир древних азиатских культур», «деятельный, передовой западный мир» и переходный «медленно прогрессирующий мир белой расы — восточный греко-славянский» [Там же, с. 219]. Геоцивилизационные характеристики колонизации Азиатской России следует рассматривать как освоение и заселение новых территорий внутри или вне своей страны. Еще в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» под колонизацией рассматривалось массовое вселение в некультурную или малокультурную страну выходцев из какого-либо цивилизованного государства [30, с. 736–740]. В России с середины XVIII до начала XX вв. осуществлялась внутренняя колонизация — переселение сельского населения из трудоизбыточной Европейской России в Сибирь и на Дальний Восток.

К середине XIX в., когда закончился процесс вхождения Степного края, Приамурья и Приморья в состав Российской империи, определились ее внутриконтинентальные евразийские контуры. В энциклопедическом труде Юлиуса Гагемейстера границы Сибири были определены следующим образом: «Сибирью называется весь северный отдел Азиатского материка, который обозначается на Западе продольною цепью Уральских гор, на Востоке Тихим океаном, с Севера омывается Ледовитым морем, а к югу граничит с владениями Китая и свободного Туркестана... Сибирь разделяется в правительственном отношении на Западную и Восточную... вся система рек Оби и Иртыша составляет Западную Сибирь, бассейны же Енисея и Лены — Восточную». В административно-территориальном отношении Западная Сибирь включала Тобольскую и Томскую губернии, а также Киргизские степи, а Восточная — Енисейскую и Иркутскую губернии, Якутскую и Забайкальскую области, Кяхтинское градоначальство. Гагемейстер даже указал полную численность населения Сибири на время составления своего отчета: русское население — 2 057 395 душ, инородцы — 84 0751 [9]. В дальнейшем шел процесс регионального деления «большой» Сибири, и к концу XIX столетия на геоэкономической и административной карте Азиатской России появились Дальний Восток и Степной край.

Важную районообразующую роль в обустройстве Сибири сыграл железнодорожный транспорт, обеспечивший, о чем говорилось выше, формирование геоэкономической оси развития новых торгово-экономических центров Сибири, сопряженных в своей пространственной динамике с российским Дальним Востоком, казахскими степями, с Маньчжурией, Монголией и Китаем.

К. И. Арсеньев, современник Гагемейстера, академик Петербургской академии наук, статистик и географ, определяя Сибирь как земледельческую, металлоносную и коммерческую колонию, обратил внимание на одну ее особенность: «Она имеет преимущество над колониями других государств Европейских, не отделяясь от метрополии ни Океаном, ни посторонними владениями... Вообще Сибирь,

Закавказье, Финляндия и Царство Польское суть такие страны, которые обеспечивают нынешнюю безопасность Государства, не затрудняя внутреннего управления. Сии земли, полезные для России по уважениям военным, политическим и коммерческим, не составляют существа Империи... должны быть рассматриваемы как вспомогательные силы одной главной и великой силы, заключающейся в собственно Русских землях» [3, с. 25–26]. Арсеньев указывает на цивилизационные характеристики «державы Российской»: «Русские земли сходятся между одинаковыми нравами жителей, единством языка, одною религиею и почти одинаковым образованием народов, здесь обитающих; сии страны суть истинное отечество Русских, твердейшая или главная основа державы Российской...» [Там же, с. 26].

На конструктивную функцию колониационного процесса, направлявшегося из центра страны, обращал внимание Н. Я. Данилевский в ходе теоретического обоснования представлений о культурно-исторических типах. Процесс русской колонизации представлял собой поэтапное «расселение русского племени», которое, в отличие от колоний западноевропейского типа, расширяло целостный континентальный массив русской государственной территории. В каждом географическом фрагменте Российской империи, полагал Данилевский, появляется не «отдельная провинциальная особь» и не государственное «владение» как таковое, но «сама Россия». Поэтому различия между центром и колонизируемыми окраинами виделись Данилевскому не политическими, а лишь обусловленными временем заселения и культурного освоения [10, с. 485–486]. В свою очередь, В. И. Ламанский, подробно анализируя особенности развития Азиатской России в составе «Срединного мира» (по большей части совпадающем с политическими границами Российской империи, особенно в Азии, где они переходят в границы естественные и этнографические), справедливо отмечал, что «Азиатская и Европейская Россия составляет во многих отношениях резкую противоположность собственной Азии... при всем множестве разнообразных вер, в ней (Азиатской и Европейской России. — *Авт.*) исповедуемых, языков и народностей, в ней живущих, значительно преобладает и вполне господствует одна вера — христианство, один язык и народность — русская, славянская... решительное преобладание в Европейской и Азиатской России одной веры, одного языка и народности есть главный источник ее политического и культурного единства...» [14, с. 197–198]. Так Ламанский особо подчеркивал географическое, этнологическое, религиозное и историко-культурное единство Европейской и Азиатской России.

Исходя из этих высказываний Гегемейстера, Арсеньева, Данилевского, Ламанского (разумеется, этот список можно было и продолжить), напрашивается вывод о том, что в общественном сознании российских государственных деятелей и ученых уже к середине XIX в. сформировалось представление о роли русской цивилизации, славяно-православной в своей духовной сути, которая расширила влияние — духовное, культурное, военно-политическое и экономическое на всю Северную Евразию. Так русская по своему изначальному содержанию цивилизация стала обретать статус евразийской цивилизации, объединившей одной судьбой народы, их способ жизнедеятельности, культуру, языки, верования, что было признано даже на уровне официальной имперской идеологии, — «православие, самодержавие, народность». Подтверждением тому может служить, спустя более полувека, издание Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ), в котором отмечалось, что русские переселенцы должны были духовно скрепить империю, являясь «живыми и убежденными проводниками общей веры в целостность и неделимость нашего отечества от невских берегов до Памирских вершин, непроходимых хребтов Тянь-Шаня, пограничных извилин Амура и далекого побережья Тихого океана, где все — в Азии, как и в Европе, — одна наша русская земля, — одно великое и неотъемлемое достояние нашего народа» [1, с. 199].

А. В. Ремнев верно подметил еще одну особенность российской имперской политики в отношении переселенцев — признание только той земли истинно русской, где прошел плуг русского пахаря [20, с. 39–45]. Крестьянская колонизация становилась одним из важнейших компонентов военной экспансии, присущей российской имперской геополитике. «Вслед за военным занятием страны, — отмечал известный публицист Ф. М. Уманец, — должно идти занятие культурно-этнографическое. Русская соха и борона должны обязательно следовать за русскими знаменами и точно так же, как горы Кавказа и пески Средней Азии не остановили русского солдата, они не должны останавливать русского переселенца» [27, с. 33]. Важнейшую роль в строительстве империи должны были сыграть не столько военные

и чиновники, сколько мирные крестьяне-переселенцы. Некоторые особенности евразийской цивилизации проявились в сибирском областничестве, но это уже тема другого разговора.

Пути и распутья сибирского областничества

Единственно, на что следует обратить внимание в данном случае, — сибирское областничество сформировалось как альтернативный подход к проблеме освоения (колонизации) Сибири, который условно можно назвать взглядом «с востока на запад». Ее разрабатывали сторонники так называемого сибирского областничества — системы взглядов части местной интеллигенции на прошлое, настоящее и будущее региона как особой области в составе российского государства. Воззрения сибирских областников со временем обрели статус общественно-политического и культурного движения, что следует рассматривать как ситуацию цивилизационной самоидентификации сибиряков на уровне, по крайней мере, их интеллектуальной части. Правда, сибирское областничество как регионально ограниченная форма выражения цивилизационной самоидентификации народов Сибири шло вразрез с официальной имперской идеологией «православия, самодержавия, народности».

К концу XIX в. в Сибири сложилось пестрое по своему происхождению и составу население, представленное старожилами («сибиряки») и новоселами («русское», «русь»). Переезжавшие за Урал крестьяне формировали не только новые этнокультурные группы, определенные местами их выхода, этнической принадлежностью, конфессиональными различиями, но и создавали новую общность на основе общерусской культуры и идентичности. Местные власти на окраинах нередко оказывались в ситуации, когда общегосударственная установка на распространение православной веры как важного имперского фактора входила в противоречие с колониционными задачами и стремлением «сделать край русским», хотя принцип конфессиональной иерархии нередко уступал национальному фактору. К тому же огромная территория, крайне малозаселенная, неосвоенная, без мало-мальски развитой сети дорог и укрепленных границ — все это, с одной стороны, позволяло разыграться бурной фантазии некоторых писателей и публицистов, а с другой — требовало освоения природных богатств Сибири, ее промышленного развития, научного исследования и решения задач геополитического порядка. Сибирское областничество проделало длительную эволюцию, развивая в той или иной форме идеи территориальной самостоятельности Сибири, ее автономии, переноса на ее просторы политического и культурного центра России. Этой теме был посвящен огромный корпус научной литературы, энциклопедий, справочников, публицистических находок [2; 17; 18; 24; 25; 28; 29; 31].

Обе России, Азиатская и Европейская, составляют в историко-культурном и этнологическом отношении одно неразрывное целое. Восток рассматривается исследователями как равнозначный и равноценный субъект в определении сущности и структуры России, как важнейший регион большого евразийского пространства — Большой Евразии. В этом отношении четко усматривается преемственность исследователей Азиатской России с евразийством, представители которого не только не отрицали идеи регионализма, но и придавали ей перспективный исторический и геополитический смысл. Многими учеными присоединение к России территории огромных пространств к востоку от Урала рассматривалось как закономерный процесс и важное стратегическое решение со стороны Русского государства. Они считали необходимым рассматривать становление Азиатской России как культурно-экономической единицы, не считая ее никоим образом за окраину, говорить о ней уже как о коренной и равноправной в составе российского государства. Верным способом укрепления границ Российской империи ученые считали вхождение в ее состав среднеазиатских территорий, что должно было стать завершающим штрихом в укреплении политического симбиоза русского и азиатских народов. Эти идеи оказались близки тем, которые позже, в 1920-х гг., стали основополагающими в евразийской идеологии, утверждающей геополитическую необходимость формирования славяно-тюркского союза. Как было заявлено в «Декларации Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности» от 2-го декабря 2020 г. (опубликована в данном номере журнала), «Государства-члены подтверждают, что военное сотрудничество в рамках ОДКБ не направ-

лено против третьих стран и служит в интересах гарантированного обеспечения безопасности государств-членов Организации и стабильности на всем евразийском пространстве».

Литература

1. Азиатская Россия. Переселенческое Управление Главного управления землеустройства и земледелия, 1914. В 4 т. СПб., Т. 1. Люди и порядки за Уралом. 576 с.
2. Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Зубков К. И. и др. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века. М. : Наука, 2014. 600 с.
3. Арсеньев К. И. Статистические очерки России. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1848. 503 с.
4. Атлас Российский, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненный по правилам географическим и новейшим обсервациям с приложенной притом генеральной картой великой сея империи, старанием и трудами Императорской Академии наук. СПб., 1745.
5. Вернадский В. И. Труды по истории науки в России / АН СССР. Комис. по разраб. науч. наследия акад. В. И. Вернадского. Ин-т истории естествознания и техники. Архив. Сост.: М. С. Бастркова, В. С. Неаполитанская, Г. А. Фирсова. Редкол.: А. Л. Яншин (пред.) и др. М. : Наука, 1988. 467 с.
6. Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Пер. с англ. Е. П. Бернштейна и др. Тверь : Леан; М. : Аграф, 1997. 480 с.
7. Вернадский Г. В. Начертание русской истории. СПб. : Лань, 2000. 318 с. С. 23.
8. Винокуров Е. Ю. Евразийская континентальная интеграция. СПб., Евразийский банк развития, 2013.
9. Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по Высочайшему Его Императорского Величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером. В 3 ч. Ч. 1. СПб. : Тип. II Отд. Собств. Е.И.В. канцелярии, 1854. Ч. 1. С. 1–3. (Примечание: Камчатка на то время, 1849–1856 гг., являлась самостоятельной областью Восточно-Сибирского генерал-губернаторства.)
10. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 1991.
11. Евразийство: декларация, формулировка, тезисы. Прага : Политика, 1932. 30 с.
12. Записки генерала Куропаткина о Русско-японской войне. Итоги войны. Издание второе. Берлин : J. Ladyschnikow Verlag GmbH, 1911. 557 с.
13. Лавров С. Б., Лавров А. С. Предисловие // Вернадский Г. В. Начертание русской истории. СПб. : Лань, 2000. 318 с.
14. Ламанский В. И. Геополитика панславизма / сост., предисл., комментарии И. В. Климаков; отв. ред. О. А. Платонов. М. : Ин-т русской цивилизации, 2010. 928 с.
15. Ломоносов М. В. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. М. : Наука. 1986.
16. Матвеева А. Евразийцы и операция «Трест» // Родина. 2015. № 6 (615).
17. Потанин Г. Н. Избранные произведения в трех томах. Павлодар : ТОО НПФ «ЭКО», 2005.
18. Прутченко С. М. Сибирские окраины. Историко-юридический очерк. СПб., 1899.
19. Ремнев А. В. Сделать Сибирь и Дальний Восток русскими: к вопросу о политической мотивации колонизационных процессов XIX — начала XX века [Электронный ресурс]. 01.07.2002. URL: <http://zaimka.ru/remnev-motivation/> (дата обращения: 10.05.2021).
20. Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков : монография. Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. 552 с.
21. Савицкий П. Н. Континент Евразия. М. : Аграф, 1997. 559 с.
22. Семенов-Тянь-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России // Изв. Император. Рус. геогр. общ-ва. Петроград, 1915. Т. 51, вып. 8.
23. Семенов-Тянь-Шанский В. П. Район и страна. М. – Л. : Госиздат, 1928. 311 с.

24. Сибирь. Атлас Азиатской России / науч. рук. проекта А. П. Деревянко. Новосибирск — М. : Изд-во ООО «Топ-книга», 2007. 864 с.
25. *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. Новосибирск : Вен-Мер, 1995. 676 с.
26. *Соболев А. В.* Своя своих не познаша. Л. П. Карсавин и другие // Начала. 1992. № 4.
27. *Уманец Ф. М.* Колонизация свободных земель России. СПб. : тип. А. С. Суворина, 1884. 243 с.
28. *Шиловский М. В.* Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50-х — 60-х годах XIX века. Новосибирск, Новосиб. ун-т, 1989. 144 с.
29. *Шиловский М. В.* Сибирские корни евразийства [Электронный ресурс]. URL: <http://zaimka.ru/science/shilovski12.shtml> (дата обращения: 10.05.2021).
30. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVa. СПб.
31. *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2003. 555 с.
32. *Mikkel W. Pedersen et all.* Postglacial Viability and Colonization in North America's Ice-Free Corridor [Электронный ресурс] // Nature (2016). DOI: 10.1038/nature19085. URL: <https://phys.org/news/2016-08-textbook-story-humans-populated-america.html#jCp> (дата обращения: 10.05.2021).
33. N. S. Trubetzkoy's Letters and Notes. Prep. by R. Jakobson et all. The Hague — Paris, 1975.
34. *Vishnevsky A.* Replacement Migration: Is It a Solution for Russia? UN/POP/PRA/2000/14. 15 August. 2000.

Об авторе:

Кефели Игорь Федорович, профессор, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации; geokefeli@mail.ru

References

1. Aziatskaya Rossiya. Pereselencheskoe Upravlenie Glavnogo upravleniya zemleustroistva i zemledeliya, 1914. V 4 t. SPb., Т. 1. Lyudi i poryadki za Uralom. 576 s. (In rus)
2. Alekseev V. V., Alekseeva E. V., Zubkov K. I. i dr. Aziatskaya Rossiya v geopoliticheskoi i tsivilizatsionnoi dinamike. XVI–XX veka. M. : Nauka, 2014. 600 s. (In rus)
3. Arsen'ev K. I. Statisticheskie ocherki Rossii. SPb. : Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1848. 503 s. (In rus)
4. Atlas Rossiiskii, sostoyashchii iz devyatnadsati spetsial'nykh kart, predstavlyayushchikh Vserossiiskuyu imperiyu s pogranichnymi zemlyami, sochinennyyi po pravilam geograficheskim i noveishim observatsiyam s prilozhennoi pritom general'noi kartoi velikoi seya imperii, staraniem i trudami Imperatorskoi Akademii nauk. SPb., 1745. (In rus)
5. Vernadskii V. I. Trudy po istorii nauki v Rossii / AN SSSR. Komis. po razrab. nauch. naslediya akad. V. I. Vernadskogo. In-t istorii estestvoznaniya i tekhniki. Arkhiv. Sost.: M. S. Bastrakova, V. S. Neapolitanskaya, G. A. Firsova. Redkol.: A. L. Yanshin (pred.) i dr. M. : Nauka, 1988. 467 s. (In rus)
6. Vernadskii G. V. Mongoly i Rus'. Per. s angl. E. P. Bernshteina i dr. Tver' : Lean; M. : Agraf, 1997. 480 s. (In rus)
7. Vernadskii G. V. Nachertanie russkoi istorii. SPb. : Lan', 2000. 318 s. S. 23. (In rus)
8. Vinokurov E. Yu. Evraziiskaya kontinental'naya integratsiya. SPb., Evraziiskii bank razvitiya, 2013. (In rus)
9. Gagemeister Yu. A. Statisticheskoe obozrenie Sibiri, sostavlennoe po Vysochaishemu Ego Imperatorskogo Velichestva poveleniyu, pri Sibirskom komitete, deistvitel'nyim statskim sovetnikom Gagemeisterom. V 3 ch. Ch. 1. SPb. : Tip. II Otd. Sobstv. E.I.V. kantselyarii, 1854. Ch. 1. S. 1–3 (Primechanie: Kamchatka na to vremya, 1849–1856 gg., yavlyalas' samostoyatel'noi oblast'yu Vostochno-Sibirskogo general-gubernatorstva). (In rus)
10. Danilevskii N. Ya. Rossiya i Evropa. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu. M., 1991. (In rus)

11. Evraziistvo: deklaratsiya, formulirovka, tezisy. Praga : Politika, 1932. 30 s. (In rus)
12. Zapiski generala Kuropatkina o Russko-yaponskoi voine. Itogi voiny. Izdanie vtoroe. Berlin : J. Ladyschnikow Verlag GmbH, 1911. 557 s. (In rus)
13. Lavrov S. B., Lavrov A. S. Predislovie // Vernadskii G. V. Nachertanie russkoi istorii. SPb. : Lan', 2000. 318 s. (In rus)
14. Lamanskii V. I. Geopolitika panslavizma / sost., predisl., kommentarii I. V. Klimakov; otv. red. O. A. Platonov. M. : In-t russkoi tsivilizatsii, 2010. 928 s. (In rus)
15. Lomonosov M. V. Izbrannye proizvedeniya. V 2 t. T. 1. M. : Nauka. 1986. (In rus)
16. Matveeva A. Evraziitsy i operatsiya «Trest» // Rodina. 2015. № 6 (615). (In rus)
17. Potanin G. N. Izbrannye proizvedeniya v trekh tomakh. Pavlodar : TOO NPF «EKO», 2005. (In rus)
18. Prutchenko S. M. Sibirskie okrainy. Istoriko-yuridicheskii ocherk. SPb., 1899. (In rus)
19. Remnev A. V. Sdelat' Sibir' i Dal'nii Vostok russkimi: k voprosu o politicheskoi motivatsii kolonizatsionnykh protsessov XIX — nachala XX veka [Elektronnyi resurs]. 01.07.2002. URL: <http://zaimka.ru/remnev-motivation/> (data obrashcheniya: 10.05.2021). (In rus)
20. Remnev A. V. Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX — nachala XX vekov : monografiya. Omsk : Izd-vo Omsk. gos. un-ta, 2004. 552 s. (In rus)
21. Savitskii P. N. Kontinent Evraziya. M. : Agraf, 1997. 559 s. (In rus)
22. Semenov-Tyan-Shanskii V. P. O mogushchestvennom territorial'nom vladenii primenitel'no k Rossii // Izv. Imperator. Rus. geogr. obshch-va. Petrograd, 1915. T. 51, vyp. 8. (In rus)
23. Semenov-Tyan-Shanskii V. P. Raion i strana. M. — L. : Gosizdat, 1928. 311 s. (In rus)
24. Sibir'. Atlas Aziatskoi Rossii / nauch. ruk. proekta A. P. Derevyanko. Novosibirsk — M. : Izd-vo OOO «Topkniga», 2007. 864 s. (In rus)
25. Slovtsov P. A. Istoricheskoe obozrenie Sibiri. Novosibirsk : Ven-Mer, 1995. 676 s. (In rus)
26. Sobolev A. V. Svoja svoikh ne poznasha. L. P. Karsavin i drugie // Nachala. 1992. № 4. (In rus)
27. Umanets F. M. Kolonizatsiya svobodnykh zemel' Rossii. SPb. : tip. A. S. Suvorina, 1884. 243 s. (In rus)
28. Shilovskii M. V. Sibirskie oblastniki v obshchestvenno-politicheskom dvizhenii v kontse 50-kh — 60-kh godakh XIX veka. Novosibirsk, Novosib. un-t, 1989. 144 s. (In rus)
29. Shilovskii M. V. Sibirskie korni evraziistva [Elektronnyi resurs]. URL: <http://zaimka.ru/science/shilovski12.shtml> (data obrashcheniya: 10.05.2021). (In rus)
30. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. T. XVa. SPb. (In rus)
31. Yadrintsev N. M. Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii. Novosibirsk : Sibirskii khronograf, 2003. 555 s. (In rus)
32. Mikkel W. Pedersen et al. Postglacial Viability and Colonization in North America's Ice-Free Corridor [Elektronnyi resurs] // Nature (2016). DOI: 10.1038/nature19085. URL: <https://phys.org/news/2016-08-textbook-story-humans-populated-america.html#jCp> (data obrashcheniya: 10.05.2021).
33. N. S. Trubetzkoy's Letters and Notes. Prep. by R. Jakobson et al. The Hague — Paris, 1975.
34. Vishnevsky A. Replacement Migration: Is It a Solution for Russia? UN/POP/PRA/2000/14. 15 August. 2000.

About the author:

Igor F. Kefeli, Professor, Director of the Center for Geopolitical Expertise, North-West Institute of Management, RANEPA under the President of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation; geokefeli@mail.ru